

хрысціян вельмі яскрава і арганічна адлюстроўвае ментальнасць хрысціянскіх пакутнікаў — людзей, якія сваім асабістым прыкладам стваралі гераічны арэол тады яшчэ гнанай і недастаткова вядомай рэлігіі.

Ёсць у пасланнях Ігнація і каштоўныя звесткі аб сацыяльным складзе хрысціян яго часу. Сярод іх былі як рабы (Ad Polycarp., 4), так і заможныя людзі, што мелі сваіх рабоў (Smym., 13; Ad Polycarp., 8), прычым сярод апошніх Ігнацій часцей называе жанчын-хрысціянак¹⁴.

Вядома, у кароткім артыкуле нельга разгледзець усе пытанні гісторыі хрысціянства ў Рымскай імперыі, звесткі аб якіх дае нам эпісталярная спадчына Ігнація Антыяхійскага. Але ж наш аналіз гэтай каштоўнай першакрыніцы дазваляе меркаваць, што лісты епіскапа Антыяхіі адлюстроўваюць, хутчэй за ўсё, сітуацыю не пачатку, а сярэдзіны ці другой паловы II ст.

¹ The Ante-Nicene Fathers. Michigan, 1953. V. 1. P. 103.

² Brown M. P. // A study of linguistic criteria. Durham, 1963.

³ Ibid. P. 11, 124.

⁴ Ibid. P. XI—XIV; The Ante-Nicene Fathers. V. 1. P. 46—47.

⁵ Преображенский П. // Послания Святого Игнатия Богоносца. СПб., 1902; Colson J. // Problemi di storia della chiesa. Milano, 1970. P. 75; Friend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford, 1965. P. 197; Gwatkin H. M. Early Church History to A. D. 313. London, 1909. V. 1. P. 132; Meinhold P. Studien zu Ignatius von Antiochen. Wiesbaden, 1979. S. 2.

⁶ Ранович А. Б. О раннем христианстве. М., 1959. С. 277; Робертсон А. Происхождение христианства. М., 1959. С. 240.

⁷ Joly R. Le dossier d'Ignace D'Antioche. Bruxelles, 1979.

⁸ Ibid. P. 81.

⁹ Massarone M. // Problemi di storia della chiesa. P. 94—95.

¹⁰ Baus K. // The Early Church. New York, 1993. V. 1. P. 43—44.

¹¹ Richardson C. The Christianity of Ignatius of Antioch. New York, 1962. P. 8, 51.

¹² Joly R. Le dossier d'Ignace D'Antioche. P. 87.

¹³ Richardson C. The Christianity of Ignatius of Antioch. P. 27.

¹⁴ Friend W. H. C. Archaeology and History in the Study of Early Christianity. London, 1988. P. 45.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

In the article archeological monuments of the second half of the 1st millenium A. D. in Belarus (Kolochin, Bancerovo-Tushemlja and Long Kurgans cultures), located in Belarus northern of Pripjat river, are considered. Author concluded that all they are connected with the last stage of the Baltic period in Ethnic history of Belarus. They are formed on the native ethnical and cultural materials and disappeared in IX—X centuries when Slavs came.

Загорульскі Эдуард Михайлович, доктор історычных наук, прафесар, зав. кафедрай археалогіі, этнаграфіі і вельпамагальных історычных дысцыплін БГУ, дзействальны член Беларускай акадэміі абазаваанія.

Аваар фундаментальных ісслеваваній па археалогіі і історыі Беларусі, а тааке ряда учебников для вузов и средней школы. Под его руководством проведены самые крупные раскопки древнего Минска.

Археалогічэскіе памятнікі Беларусі, прадшествовавшие древнерусскому периоду, до сих пор наименее изучены, по-разному определяется их этническая принадлежность. Они непосредственно относятся к проблеме расселения славян в Беларуси и тем сложным этнокультурным процессам, которые имели важные последствия не только для местного

балтского населения, но и для восточных славян. В зависимости от того, считать ли их славянскими или балтскими, будет решаться вопрос о времени появления здесь славян.

Пока не вызывает споров лишь славянская принадлежность памятников пражско-корчакского типа, распространившихся в Южной Беларуси и на Украинской Волини в VI—VII вв. Что же касается территории к северу от Припяти, то здесь этническая ситуация объясняется по-разному. Еще недавно считалось возможным объединять различные группы памятников третьей четверти первого тысячелетия н. э., характерных для этого региона, в одну археологическую культуру¹.

Однако сейчас здесь можно выделить по меньшей мере три археологические культуры: колочинскую, банцеровско-тушемлинскую и культуру длинных курганов. Первые две имеют много общего в керамическом материале, но различаются по типам построек, что является главным основанием для их разделения на самостоятельные культуры.

В правобережной части Верхнего Поднепровья и Западнодвинском бассейне распространены наземные постройки специфической конструкции. Они получили название банцеровско-тушемлинских.

На юго-востоке же Подесенья, гомельско-могилевском поречье Днепра и верховьях Сулы и Псела на поселениях господствуют небольшие полуземляночные жилища. По городищу Колочин (в Белоруссии) их называют колочинскими. Очень небольшие различия между этими территориями выявляются и в керамическом материале.

К этому времени основным типом поселений становятся селища. Городища служили убежищами на случай опасности. Таковым было и Колочинское городище, полностью раскопанное в 1955—1960 гг. Э. А. Сымоновичем. Рядом с городищем располагалось селище, занимавшее территорию около гектара. При раскопках городища большая часть находок пришлась на окраины поселения. Среди них — раздавленные сосуды, в некоторых обнаружены остатки обгоревшего проса и чечевицы. Население в основном проживало на селище. На нем выявлено жилище полуземляночного типа, углубленное на 0,35 м в землю и имевшее размеры 3,85х3,8 м. Стены столбовой конструкции. В центре жилища располагался столб, поддерживавший перекрытие. Наличие в большинстве колочинских построек центрального столба позволяет реконструировать их крышу как четырехскатную. Очаги располагались в центре, но были чуть сдвинуты к южной стороне².

В Могилевской области памятники этого типа раскапывались Л. Д. Поболем близ деревень Щатково, Тайманово, Нижняя Тошица³. За пределами Белоруссии поселения этой культуры были исследованы П. Н. Третьяковым и другими в Смольянах, Колодезном Бугре, Заярье⁴.

В Смольянах, судя по скученности построек, на селище проживала одна патриархальная община, которая вела неразделенное хозяйство. В других случаях, возможно, селились общины, состоявшие из разных семей, не связанных между собой родством (территориальная община).

Изучены также могильники колочинской культуры. В Белоруссии в начале XX в. они исследовались Е. Р. Романовым, в 20-х гг. — И. А. Сербовым, позже — Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболем. Обряд захоронений представлен трупосожжением на стороне с последующим погребением остатков кремации в круглых или овальных ямах диаметром от 0,3 до 1 м и глубиной от 0,1 до 0,65 м. Переженные кости хранились или просто в ямках, или в сосудах. В отдельных случаях сосуд перекрывался другим. Процент урновых погребений колеблется от 12 до 50 и даже до 80⁵.

Большая часть могильников содержала от десяти до тридцати погребений. Встречаются, однако, и крупные могильники (до 250 погребений). Погребальный инвентарь беден и в основном представлен керамикой.

В колочинской культуре выделяются четыре типа сосудов: тюльпановидные, цилиндрикоконические, ребристые и банковидные или конусовид-

ные, почти не профилированные. Встречаются также миски, сковородки и глиняные диски. В Тайманове найден фрагмент железного сошника. В Колочине — четыре крупных серпа.

Определение этноса носителей колочинской культуры связано с установлением ее генетических корней и отношения к достоверно славянским памятникам VIII—X вв. Большинство исследователей выводит колочинскую культуру из местных предшествующих культур. В некоторых элементах этой культуры (в частности, в керамике) отмечается преемственность с послезарубинецкими памятниками. Однако трансформация культурных черт здесь настолько значительна, что говорить о простой эволюции предшествующих культур в колочинскую пока преждевременно. Относительно же этноса и ее носителей мнения расходятся. Так, П. Н. Третьяков относит колочинскую культуру к славянской на том основании, что, по его мнению, она имеет генетическую связь со славянскими памятниками VIII—X вв. Правобережной Украины⁶. Но по мнению большинства археологов, прямых связей между материалами колочинской культуры и культурами славян VIII—X вв. нет. Поэтому правильной будет отнести эту культуру к дославянским древностям⁷.

К северу от Припяти в Днепро-Неманском междуречье и смоленском течении Днепра в третьей четверти I тысячелетия н. э. были распространены памятники, получившие у белорусских археологов название банцеровских (по имени городища Банцеровщина под Минском), а у других — тушемлинских (по городищу Тушемля на Смоленщине); эту культуру называют также банцеровско-тушемлинской или тушемлинско-банцеровской.

Исследователи считают, что культура возникает на местной основе и это убедительно доказано П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом на примере смоленских памятников. Там культура типа Тушемли имеет своего генетического предшественника в днепродвинской культуре (VII в. до н. э. — IV—V вв. н. э.)⁸.

Отмечается, что из днепродвинской развивается профилированная тушемлинская керамика. Аналогичные находки встречаются в ранних селищах (посоховидные булавки, серпы, пряслица, грузики дьякова типа), имеется сходство в типах построек (наземные дома столбовой конструкции с овальными очагами), сходны святилища. Факт преемственности обосновывается также тем, что названная культура занимает значительную часть территории расселения днепродвинских племен. Полностью совпадают северо-западная и северо-восточные границы этих культур.

Однако если одним из источников банцеровско-тушемлинской культуры называется днепродвинская, то следует объяснить, почему же значительная часть памятников банцеровско-тушемлинской культуры находится за пределами днепродвинского ареала. Ведь большая часть ее памятников распространяется на юге вплоть до северных притоков Припяти, включая в себя всю восточную часть культуры штрихованной керамики. Либо банцеровско-тушемлинская культура, возникнув в зоне днепродвинской и на ее основе, позже распространилась в юго-западном направлении, либо ее происхождение нуждается в другом объяснении. На Смоленщине, например, тушемлинские памятники обнаруживают близкие аналогии в керамике ранних длинных курганов. Очевидно, здесь уже на раннем этапе имели место интенсивные контакты этих разных в культурном отношении групп. Следует также объяснить, какую роль в ее генезисе сыграла и культура штрихованной керамики. Наконец, может быть, правильной будет вообще поделить тушемлинско-банцеровскую культуру на две части, две отдельные культуры — тушемлинскую и банцеровскую?

По наблюдениям А. Г. Митрофанова, можно говорить об эволюции культуры штрихованной керамики в банцеровскую, что прослежено им на материалах раскопок городищ Лобенщина, Старо-Руденское, Василь-

ковское и др.⁹ С этим соглашается и В. С. Седов¹⁰. Сходство же с днепродвинской культурой Седов объясняет инфильтрацией потомков днепродвинской культуры в среду носителей культуры штрихованной керамики, но, как он сам отмечает, проследить ее пока не удастся.

Этнос же носителей банцеровско-тушемлинской культуры большинство исследователей совершенно справедливо определяет как балтский¹¹. Балтский характер доказывается не только наличием генетической связи между банцеровско-тушемлинскими памятниками и предшествовавшими им безусловно балтскими древностями раннего железного века, но также и тем, что такая связь отсутствует со славянскими культурами древнерусского времени.

Исследования В. Б. Перхавко показали, что вещевой материал из памятников типа Тушемля-Банцеровщина — орудия труда (топоры, серпы), оружие (наконечники копий, шпоры), изделия из бронзы, украшения — отличен от славянского, но характерен для балтских культур раннего железного века. Он близок также соответствующим материалам средневековой Литвы и Латвии¹².

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что уже с V века на этой территории фиксируются и славянские культурные элементы, будто бы свидетельствующие о проникновении славян в балтскую среду¹³. Это доказывается появлением здесь полужемляночных жилищ со славянским интерьером (печь-каменка в углу и отсутствие опорного столба и центре), некоторых вещевых находок. В Белоруссии такими называются поселения Тайманово, Щатково, Замковая Гора.

Оценка этих явлений как славянских у одних ограничивается констатацией культурных влияний или признанием некоторой инфильтрации славян в балтскую среду (В. В. Седов), у других приводит к атрибуции банцеровской культуры как славянской, а Г. В. Штыхов договаривается даже до того, что называет эту культуру не просто славянской, а уже прабелорусской, положившей начало формированию белорусского этноса¹⁴.

Однако сама интерпретация некоторых материалов банцеровско-тушемлинской культуры вызывает сомнение. Так, Замковая гора у дер. Дедиловичи отстоит довольно далеко от славянского ареала. Что касается местных жилищ, то топография поселка, раскинувшегося на склонах горы, вынуждала при их сооружении для выравнивания пола врезаться в сторону возвышения. Поэтому нельзя называть жилища Замковой горы полужемлянками. Так считал и сам исследователь этого памятника А. Г. Митрофанов. К тому же большая часть построек имела срубную конструкцию стен, что для славян не характерно¹⁵. А в какой мере можно считать исключительно славянским признаком появление печей-каменок в углу жилища, предстоит еще разобраться. Важно то, что славянской керамики на Замковой горе нет. И хотя Митрофанов как-то обмолвился, что без славян здесь не обошлось, вещевой славянский материал, в том числе самый элементарный бытовой, на поселении не выявлен.

Инфильтрацию славян прослеживают прежде всего в среднем течении Десны. Я не исключаю, что славяне с пражской культурой могли проникать туда уже вскоре после появления их в Южной Белоруссии и Украинской Волини. Эти области и по данным лингвистики вошли в зону славянского расселения раньше, чем территория к северу от Припяти (летописные славянские этнонимы с формантом — *не*). В. В. Седов же вообще предпочитает говорить о подселении славян к балтскому населению банцеровско-тушемлинских поселков. Отсутствие в этой культуре славянских керамических материалов он объясняет довольно оригинально — тем, что сюда просачивалось только мужское славянское население, которое потом вступало в брачные союзы с местными женщинами¹⁶. Со славянами он связывает проникновение в балтские древности таких предметов, как жернова (Замковая гора, Тушемля), высокие биконические пряслица с небольшим отверстием, железные шпоры с коническим

шипом, втульчатые двушипные наконечники стрел, а позже — ножи с валообразными навершиями рукояти. Однако, как доказал А. К. Амброз, находки некоторых вещей легко могут быть объяснены культурными связями днепровских балтов, например, с культурными центрами нижнего Подунавья¹⁷. В раскопках этих памятников встречаются и предметы крымского происхождения. Но вряд ли кто решится на этом основании утверждать об инфильтрации в Белоруссию населения Крыма.

Основной комплекс банцеровской культуры по своему характеру местный, балтийский. Особенно красноречиво об этом свидетельствует керамика, которую археологи традиционно рассматривают как наиболее надежный критерий для установления этнических общностей. Попытки объяснить отсутствие славянской керамики в банцеровских комплексах инфильтрацией в балтскую среду только славян-мужчин совершенно неубедительны. В конце концов сам В. В. Седов вынужден был признать, что для утверждения о начале славянизации днепровских балтов в VI—VII вв. «каких-либо фактических данных нет»¹⁸.

В изучении рассмотренных культур (банцеровско-тушемлинской и колочинской) есть один существенный пробел, мешающий правильному осмыслению исторических судеб их носителей и их отношения к славянскому расселению. Это вопрос хронологии.

Культуры принято датировать третьей четвертью первого тыс. н. э. (хотя их можно продлить и в четвертую четверть). Похоже, что датировка требует уточнений. Намечая верхнюю хронологическую границу, пока исходят из предположения о раннем проникновении сюда славян, положившим будто бы конец этим культурам. Э. А. Сымонович, например, разрушение Колочинского городища, что для него означает конец и всей колочинской культуры, связывает с появлением, как он думает, в VIII в. славянского поселения на примыкающем селище. Между тем расселение славян к северу от Припяти надежно датируется IX—X вв. К тому же следует иметь в виду, что культуры не исчезают сразу после появления нового населения. Необходимо время для смешения или ассимиляции, если местное население не было предварительно вытеснено. Поэтому думается, что колочинская и другие балтские культуры этого региона закончились приблизительно в одно время с культурой длинных курганов, т. е. в X в.

Корень ошибки, на наш взгляд, здесь кроется в том, что ряд исследователей по давней традиции культуру длинных курганов рассматривает как славянскую, наложившуюся на местный балтский культурный фон, представленный тушемлинско-банцеровской культурой. Поэтому она и в хронологическом плане должна, мол, представлять более позднее явление. Отсюда — попытки выстроить хронологический ряд, в котором памятники типа Банцеровщина-Тушемля предшествуют культуре длинных курганов. И поскольку не допускается мысли о сосуществовании этих культур, то, с одной стороны, несколько удревяется верхняя хронологическая граница функционирования банцеровско-тушемлинской культуры, а с другой, — омолаживается культура длинных курганов. Ну а если все эти культуры синхронны, и носители культуры длинных курганов, как и банцеровско-тушемлинской и колочинской, являются родственными балтским группировкам дославянского периода?

Такой вопрос вполне правомочен, поскольку как новые данные по хронологии длинных курганов и ее генезису, так и материалы, относящиеся к славянскому расселению, заставляют иначе взглянуть на все эти проблемы.

Культура длинных курганов занимает значительную территорию: среднее течение Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье Великой около Псковского озера. Ее памятники имеются в восточной Латвии и даже в Эстонии.

Название связано с погребальными сооружениями в виде невысоких валообразных насыпей, внутри которых или под которыми помещались

глиняные урны с остатками кремации и довольно бедный вещевой инвентарь. Встречаются и безурновые захоронения. Длина курганов различна. Одни из них имеют протяженность до 100 и более метров, другие — почти круглые или слегка удлинённые. Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений. После очередных захоронений длина кургана увеличивалась. Однако позже было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи. Не было установлено и хронологических различий между длинными и удлинёнными курганами, а также различий в обрядах.

Культура длинных курганов представлена не только погребениями, но и поселениями.

В научной литературе по-разному интерпретируется этническая принадлежность населения, носителя этой культуры. Долгое время господствовало представление, что эта культура — наследие племен славянокривичей. Основным аргументом тут было совпадение ее ареалов с областью, какую летописец отводил кривичам. Делались попытки доказать археологическую преемственность материалов из длинных курганов и, несомненно, славянских погребальных памятников X в. Впрочем приводились данные и в пользу отождествления данной культуры с культурой древних балтских и даже финно-угорских народов.

Новые археологические открытия и материалы изучения проблемы балтов и славян заставляют отдать предпочтение идее о балтской принадлежности носителей рассматриваемой культуры. Так, раскопанный около дер. Янковичи в Россонском районе длинный курган, содержащий три кремированных захоронения, дал типичные банцеровские сосуды. Бронзовые бляшки-скорлупки позволяют датировать курган V—VI вв. К этому же времени относятся и материалы из длинного кургана около дер. Дорохи Городокского района¹⁹. Эти находки позволяют и хронологически и типологически соотнести ранние памятники культуры длинных курганов с местной культурной средой, поставить вопрос о ее местных балтских корнях. Генетическая связь длинных курганов Смоленщины с более ранними грунтовыми погребениями, относящимися к родственной банцеровско-тушемлинской группе, обнаруживается и на основании материалов Акатовского могильника VII в. Находки в длинных курганах украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью также типичны для балтийских племен.

Нельзя не обратить внимания и на почти полное совпадение ареалов длинных курганов и предшествовавших им памятников днепродвинской культуры, балтская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений. Исследователи приводят убедительные данные о генетической преемственности этих культур. Все эти факты свидетельствуют о том, что длинные курганы появляются на этой территории уже в VI в., т. е. задолго до того, как здесь распространились типичные славянские памятники, и что своими корнями они уходят в местную культурную среду балтских племен.

Локализация рассмотренных культур второй половины первого тысячелетия н. э. позволяет поставить вопрос об отношении носителей этих культур к летописным группировкам кривичей, дреговичей и радимичей. Культура длинных курганов просто совпадает с летописной областью расселения кривичей. Культура же банцеровского типа, в принципе, совпадает с ареалом обитания дреговичей. Точно так же, как ареалы колочинской культуры совпадают с территорией радимичей, а южнее — северян. Возможно, колочинскую культуру со временем удастся разделить на две части (северную и южную), связав одну с предками радимичей, а другую — северян. Но такое территориальное совпадение, отнюдь, не означает, что носители рассмотренных культур были славянами. Речь может идти лишь о том, что это были последние группировки балтов в данном регионе, которые с приходом сюда славян были ассимилированы

ими, стали одним из физических предков (субстратом) славянско-го населения этих территорий и, по-видимому, передали им свои имена²⁰.

¹ См.: Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977. С. 69—70; Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 62.

² См.: Симонович Э. А. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. С. 108.

³ См.: Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1970.

⁴ См.: Третьяков П. Н. Советская археология (в дальнейшем СА). 1965. № 4; Он же // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

⁵ См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 32.

⁶ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л. 1968.

⁷ См.: Седов В. В. Ук. соч. С. 34.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ См.: Митрофанов А. Г. // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972.

¹⁰ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39—40.

¹¹ См.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л. 1963; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

¹² См.: Перхавко В. Б. // Вестник МГУ. История. 1978. № 2; Он же // СА. 1979. № 4.

¹³ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39.

¹⁴ См.: Штыхов Г. В. // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Мн., 1992. С. 116—117.

¹⁵ См.: Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII н. э.). Мн., 1978.

¹⁶ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 39.

¹⁷ См.: Амброз А. К. // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

¹⁸ См.: Седов В. В. Восточные славяне... С. 41.

¹⁹ См.: Штыхаў Г. В. Крывічы. Мн., 1992.

²⁰ См.: Загорульский Э. М. // Вестник БДУ. Сер. III. 1992. № 3; Хабургаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979. С. 196—197.

П. А. ЛОЙКА

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ АГРАРНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XV — ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.

In this article the main monographic researches in the agrarian history of Belarus published in 70—80 th of the XX century are examined.

The author analyses the evolution in the points of views of the historians on the economic development of the Belarusian village in the XV th — first half XIX th centuries.

Лоика Павел Алегавіч, кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Працуе ў БДУ і Інстытуце гісторыі АНБ. Мае звыш 80 навуковых прац. Аўтар трох кніг і шэрагу падручнікаў па гісторыі Беларусі.

У развіцці беларускай медыевістыкі асобнае месца займаюць 70—80-я гады XX ст. Менавіта ў гэты час адбываецца своеасаблівая рэанімацыя гістарычнай навукі, якая вывучае праблемы беларускага сярэднявечча. І калі з 1965 па 1979 г. у акадэмічным Інстытуце гісторыі не існавала ніводнага аспіранта, тэматыка даследавання якога была звязана з гісторыяй Беларусі XIII—XVIII стст., то ў 1980 г. утвараецца спецыяльны аддзел гісторыі Беларусі эпохі феадалізму. На працягу наступных гадоў ён папаўняецца маладымі кадрамі. Гэты, так бы мовіць, набор пачатку 80-х рабіўся дзеля падрыхтоўкі фундаментальнай працы «Гісторыя сялянства Беларусі», якая, на жаль, не пабачыла свет да сённяшняга часу. Падрыхтоўка і напісанне яе з'яўлялася лагічным завяршэннем доўгага і шмат-